

ГЛАВА XXII.

Мы договорились встретиться с дамами в столовой за ужином, после которого, поскольку у нас с доктором было много тем, они оставили нас сидеть там за столом. Оставшись одни мы обсуждали вино и сигары, а также множество других вопросов.

"Доктор, - сказал я в ходе нашей беседы, - с моральной точки зрения, ваша социальная система - это та, которой я восхищаюсь. И по сравнению с любой ранее существующей в мире системой, и особенно с системой моего собственного самого несчастливого века, ваша это утопия. Если бы сегодня ночью я погрузился в гипнотический сон, такой же продолжительный, как и в ту ночь, а тем временем течение времени повернулось бы вспять, а не вперед, и я бы снова проснулся в девятнадцатом веке, то все друзья были бы солидарны в том, что я видел, они бы каждый как один признали, что ваш мир был раем порядка, справедливости и блаженства.

Но они были очень практичными людьми, мои современники, и, выразив свое восхищение моральной красотой и материальным великолепием системы, они вскоре начинали сомневаться и спрашивать, откуда у вас деньги, чтобы сделать всех такими счастливыми. Конечно, чтобы поддерживать всю нацию с комфортом, и даже роскошь, такую, какую я вижу вокруг себя, государство должно включать в себя гораздо большее богатство, чем нация производила в мое время.

Теперь, хотя я мог бы объяснить им почти все остальные основные функции вашей системы, я бы совершенно не смог ответить на этот вопрос, и, потерпев неудачу в этом, они сказали бы мне, поскольку они были очень сильными скептиками, что я видел сон; и они никогда не поверили бы ничему другому. В мое время я знаю, что общий годовой продукт нации (ВВП), хотя его можно было бы разделить с абсолютным равенством, составил бы не более трехсот-четырехсот долларов на душу населения, что немногим более чем достаточно для обеспечения жизненных потребностей с минимальными удобствами. Как получилось, что у вас есть гораздо больше?"

"Это очень уместный вопрос, мистер Уэст, - ответил доктор Лите, - и я не стал бы винить ваших друзей, в случае, если бы вы предположили, что они объявили вашу историю полной чушью, не дав на нее удовлетворительного ответа. Это вопрос, на который я не могу исчерпывающе ответить за один присест, а что касается точной статистики, подтверждающей мои общие утверждения, мне придется обратиться за ней к книгам в моей библиотеке, но, конечно, было бы жаль оставлять вас на растерзание вашим старым знакомым, на случай непредвиденных обстоятельств, о которых вы говорите, и из-за отсутствия некоторых данных.

"Давайте начнем с ряда мелких предметов, в которых мы экономим богатство по сравнению с вами. У нас нет национальных, государственных, окружных или муниципальных долгов (те же самые гособлигации прим. пер.) или платежей за их счет. У нас нет никаких военных или военно-морских расходов на людей или материалы, нет армии, флота или ополчения. У нас нет налоговой службы, нет толпы налоговых инспекторов и сборщиков налогов.

Что касается нашей судебной системы, полиции, шерифов и тюремщиков, то сил, которые в ваше время держал на ногах только Массачусетс, сейчас более чем достаточно для нации. У нас нет преступного класса, наживающегося на богатстве общества, как это было у вас. Число людей, более или менее полностью потерянных для рабочей силы из-за физической неполноценности, хромых, больных и ослабленных, которые составляли такое бремя для трудоспособных в ваше время, теперь, когда все живут в условиях здоровья и комфорта, сократилось до едва заметных пропорций, и с каждым поколением становится все меньше в удельном весе нации.

"Еще одна статья, на которой мы экономим, - это неиспользование денег и тысячи занятий, связанных со всевозможными финансовыми операциями, из-за чего раньше армия людей была оторвана от полезных занятий. Также учтите, что расточительство очень богатых людей в ваше время на чрезмерную личную роскошь прекратилось, хотя, действительно, этот пункт может быть легко переоценен. Опять же, учтите, что сейчас нет бездельников или трутней, богатых или бедных.

"Очень важной причиной прежней бедности была огромная трата рабочей силы и материалов в результате домашней стирки и приготовления пищи, а также раздельного выполнения бесчисленных других задач, к которым мы применяем план сотрудничества.

"Большая экономия, чем любая из этих — да, из всех вместе взятых — достигается за счет организации нашей распределительной системы, с помощью которой работа, выполняемая когда-то торговцами, продавщицами, владельцами магазинов, с их различными рабочими, оптовиками, розничными торговцами, агентами, коммерческими путешественниками и посредниками всех видов, с чрезмерной тратой энергии на ненужную транспортировку и бесконечные манипуляции, теперь выполняется только одной десятой числа рук прежде и каждый поворот колеса нужен и эффективен.

Кое-что из того, на что похожа наша система распределения, вы знаете. Наши статистики подсчитали, что одной восьмидесятой части наших работников достаточно для всех процессов распределения, на которые в ваше время требовалась одна восьмая часть населения, столько изымается из рабочей силы, занятой производительным трудом".

"Я начинаю понимать, - сказал я, - откуда у вас такое большое богатство".

"Прошу прощения, - ответил доктор Лите, - но вы пока едва ли это делаете. Экономия, о которой я упоминал до сих пор, в совокупности, учитывая труд, который они сэкономили бы прямо и косвенно за счет экономии материалов, возможно, была бы эквивалентна увеличению вашего годового производства богатства на половину от прежнего общего объема. Эти предметы, однако, едва ли заслуживают упоминания по сравнению с другими огромными растратами, которые появляются при передаче промышленности от государства частным лицам.

Какой бы значительной экономии в потреблении продуктов ни достигли ваши современники и каким бы удивительным ни был прогресс механических изобретений, они никогда не смогли бы выбраться из трясины бедности, пока придерживались этой системы.

"Нельзя было придумать более расточительного способа использования человеческой энергии, и к чести человеческого интеллекта следует помнить, что система никогда не была изобретена, а была просто пережитком грубых веков, когда отсутствие социальной организации делало невозможным любое сотрудничество".

"Я охотно признаю, - сказал я, - что наша промышленная система была этически очень плоха, но как простая машина для создания богатства, помимо моральных аспектов, она казалась нам достойной восхищения".

"Как я уже сказал, - ответил доктор, - тема слишком обширна, чтобы обсуждать ее сейчас подробно, но если вам действительно интересно узнать основные критические замечания, которые мы, современные люди, выдвигаем в адрес вашей промышленной системы по сравнению с нашей собственной, я могу кратко коснуться некоторых из них.

"Потери, возникшие в результате того, что руководство промышленностью было предоставлено

безответственным лицам, совершенно без взаимопонимания или согласия, были в основном четырьмя:

Во-первых, потери в результате ошибок предприятий;

Во-вторых, потери в результате конкуренции и взаимной враждебности тех, кто занят в промышленности;

В-третьих, потери в результате периодических перенасыщений и кризисов, с последующими перерывами в работе промышленности;

В-четвертых, расточительство бездействующего капитала и рабочей силы, во все времена. Любой из этих четырех крупных утечек, даже если осталось одна, а остальные были устранены, было бы достаточно, чтобы сделать разницу между богатством и бедностью нации.

"Для начала избавьтесь от потерь из-за ошибочных начинаний. В ваше время производство и распределение товаров осуществлялись без согласования или организации, поэтому не было возможности точно знать, какой спрос существует на какой-либо класс товаров или каков уровень предложения. Поэтому любое предприятие частного капиталиста всегда было сомнительным экспериментом. Управленец, не имеющий общего представления о сфере промышленности и потребления, такого, как у нашего правительства, никогда не мог быть уверен ни в том, чего хотят люди, ни в том, какие меры предпринимают другие капиталисты для их обеспечения.

Учитывая это, мы не удивлены, узнав, что шансы считались несколько к одному в пользу провала любого конкретного коммерческого предприятия, и что для людей, которым в конце концов удалось добиться успеха, было обычным делом неоднократно терпеть неудачу.

Если бы сапожник на каждую пару обуви, которую ему удавалось изготовить, портил кожу на четырех или пяти парах, помимо потери времени, затраченного на их изготовление, у него было бы примерно столько же шансов разбогатеть, сколько у ваших современников с их системой частного предпринимательства и ее средним показателем в четыре или пять неудач к одному успеху.

"Следующей из величайших потерь была потеря от конкуренции. Поле промышленности было полем битвы, широким, как мир, на котором рабочие растрачивали, нападая друг на друга, энергию, которая, если бы расходовалась согласованными усилиями, как сегодня, обогатила бы всех. Что касается милосердия или пощады в этой войне, то на это не было абсолютно никаких намеков. Сознательно войти в сферу бизнеса и разрушить предприятия тех, кто занимал ее ранее, чтобы основать на их руинах свое собственное предприятие, было достижением, которое никогда не переставало вызывать всеобщее восхищение.

Также нет никакой натяжки в сравнении такого рода борьбы с реальной войной, поскольку речь идет о душевной агонии и физических страданиях, сопровождавших борьбу, и о несчастье, которое охватило побежденных и тех, кто от них зависел. Итак, ничто в вашем возрасте, на первый взгляд, не поражает человека современности больше, чем тот факт, что люди, занятые в одной отрасли, вместо того, чтобы брататься как товарищи и соратники для достижения общей цели, должны были рассматривать друг друга как соперников и врагов, которых следует задушить и свергнуть.

Это, конечно, похоже на чистое безумие, сцену из бедлама. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что это не так. Ваши современники, с их взаимным перерезанием горла, очень хорошо знали, на что они шли. Производители девятнадцатого века, не работали

сообща для поддержания общества, но каждый исключительно для своего собственного содержания за счет общества. Если, работая с этой целью, он в то же время увеличил совокупное богатство, это было просто случайным результатом.

Было столь же возможно распространено увеличивать свои личные накопления с помощью практик, наносящих ущерб общему благосостоянию. Злейшими врагами человека обязательно были те, кто занимался его собственным ремеслом, поскольку, согласно вашему плану превращения частной прибыли в мотив производства, дефицит производимого им товара был тем, чего желал каждый конкретный производитель. В его интересах было, чтобы этого производилось не больше, чем он сам мог произвести. Обеспечить это достижение, насколько позволяли обстоятельства, путем уничтожения и обескураживания тех, кто был занят в его отрасли, было его постоянным усилием.

Когда он выставил все, что мог, его политика состояла в том, чтобы объединиться с теми, кого он не мог убить, и превратить их взаимную войну в войну с общественностью в целом, загнав рынок в угол, как, я полагаю, вы привыкли это называть. И подняв цены до самой высокой точки, перед которой люди могли бы позволить себе этот товар. Мечтой производителя девятнадцатого века было получить абсолютный контроль над поставками товаров первой необходимости, чтобы он мог держать население на грани голодной смерти и всегда устанавливать завышенные цены на то, что он поставлял.

Это, мистер Уэст - это то, что в девятнадцатом веке называлось системой производства. Я оставляю это на ваше усмотрение, если в некоторых своих аспектах это не покажется вам гораздо более похожим на систему предотвращения производства благ для народа. Как-нибудь, когда у нас будет достаточно свободного времени, я попрошу вас сесть со мной и попытаться заставить меня понять, ведь раньше я этого не мог, хотя я много изучал этот вопрос.

Насколько проницательными людьми, по-видимому, были во многих отношениях ваши современники, ведь они дошли до того, чтобы доверить дело обеспечения общества классу, в интересах которого было желательно уморить его голодом. Я уверяю вас, в том, что ваше чудо заключается не в том, что мир не разбогател при такой системе, а в том, что он не погиб сразу от нужды. Это удивление возрастает по мере того, как мы переходим к рассмотрению некоторых других поразительных видов трат, которые характеризовали его.

"Помимо напрасной траты труда и капитала из-за неправильно направленной промышленности и постоянного кровопролития в ходе вашей промышленной войны, ваша система была подвержена периодическим конвульсиям, которые поражали как мудрых, так и неразумных, как успешного бизнесмена, так и его жертву. Я имею в виду деловые кризисы с интервалом в пять-десять лет, которые разрушали промышленность страны, повергая в упадок все слабые предприятия и калеча сильнейшие, и за которыми следовали длительные периоды, часто по много лет, так называемых "унылых времен", в течение которых капиталисты медленно восстанавливали свои растроченные силы, в то время как трудящиеся классы голодали и бунтовали.

Затем последовал бы еще один краткий период процветания, за которым, в свою очередь, последовал бы еще один кризис и последующие годы истощения. По мере развития торговли, делающей нации взаимозависимыми, эти конфликты распространились по всему миру, в то время как упорство последовавшего за этим состояния коллапса возрастало по мере увеличения территории, пострадавшей от потрясений, и, как следствие, отсутствия центров сплочения. По мере того, как отрасли мировой промышленности множились и усложнялись, а объем задействованного капитала увеличивался, эти бизнес-катаклизмы становились все более частыми, пока во второй половине девятнадцатого века два года плохих времен сменялись

одним хорошим, и система промышленности, как никогда ранее была такой растянутой и внушительной, что казалось, она вот-вот рухнет под собственным весом.

После бесконечных дискуссий ваши экономисты, похоже, к тому времени пришли к отчаянному выводу, что возможностей предотвратить или контролировать эти кризисы было не больше, чем если бы они были засухами или ураганами. Оставалось только терпеть их как неизбежное зло, а когда они прошли, снова отстраивать разрушенную структуру промышленности, подобно тому, как жители страны, пострадавшей от землетрясения, продолжают восстанавливать свои города на том же месте.

"Что касается рассмотрения причин проблем, присущих их промышленной системе, ваши современники, безусловно, были правы. Они лежали в самой его основе и должны были становиться все более и более пагубными по мере того, как структура бизнеса увеличивалась в размерах и сложности. Одной из этих причин было отсутствие какого-либо общего контроля над различными отраслями промышленности и, как следствие, невозможность их упорядоченного и скоординированного развития. Из-за этого недостатка неизбежно вытекало то, что они постоянно отставали друг от друга и не соответствовали спросу.

"В отношении последнего не существовало критерия, подобного тому, который дает нам организованное распределение. И первым признаком того, что он был превышен в какой-либо группе отраслей, был обвал цен, банкротство производителей, остановка производства, сокращение заработной платы или увольнение рабочих. Этот процесс постоянно происходил во многих отраслях промышленности, даже в так называемые хорошие времена, но кризис имел место только тогда, когда затронутые отрасли были обширными.

Рынки тогда были перенасыщены товарами, которых никому не было нужно больше, чем в достаточном количестве по любой цене. Заработная плата и прибыль тех, кто производит перенасыщенные классы товаров, были снижены или полностью прекращены, их покупательная способность как потребителей других классов товаров, естественного избытка которых не было, была отнята, и, как следствие, товары, естественного избытка которых не было, стали искусственно перенасыщенными, пока цены на них также были снижены, а их производители выброшены с работы и лишены дохода. Кризис к этому времени был в самом разгаре, и ничто не могло остановить его, пока богатство нации не было потрачено впустую.

"Причиной, также присущей вашей системе, которая часто порождала и всегда ужасно усугубляла кризисы, был механизм денег и кредита. Деньги были необходимы, когда производство находилось во многих частных руках, и покупка и продажа были необходимы, чтобы получить желаемое. Однако было открыто очевидное возражение против замены продуктов питания, одежды и других вещей просто их условным представителем. Путаница в умах, которой это способствовало, между товарами и их представителем, проложила путь к кредитной системе и ее чудовищным иллюзиям.

Уже привыкшие принимать деньги за товары, люди в следующий раз приняли обещания за деньги и вообще перестали смотреть на представителя за представляемую вещь. Деньги были признаком реальных товаров, но кредит был всего лишь знаком знака. Существовало естественное ограничение для золота и серебра, то есть собственно денег, но не для кредита, и результатом было то, что объем кредита, то есть обещания денег, перестал иметь какую-либо определяемую пропорцию к деньгам, еще меньше к товарам, реально существующим (это про серебряный и золотой стандарт прим. пер.).

При такой системе частые и периодические кризисы были вызваны таким же абсолютным законом, как тот, который разрушает конструкцию, нависающую над ее центром тяжести. Это

была одна из ваших выдумок о том, что только правительство и уполномоченные им банки выпускали деньги; но каждый, кто давал долларовый кредит, выпускал деньги в таком объеме, который был не хуже любого другого, чтобы увеличить тираж до следующих кризисов. Значительное расширение кредитной системы было характерной чертой второй половины девятнадцатого века и в значительной степени объясняет почти непрекращающиеся деловые кризисы, которыми был отмечен этот период.

Каким бы опасным ни был кредит, вы не могли отказаться от его использования, поскольку, не имея какой-либо национальной или иной общественной организации в столице страны, это было единственное средство, которым вы располагали для концентрации и направления его на промышленные предприятия.

Таким образом, это было наиболее действенным средством для преувеличения главной опасности системы частного предпринимательства в промышленности, позволяя отдельным отраслям поглощать непропорционально большие объемы располагаемого капитала страны и таким образом подготавливать катастрофу. Коммерческие предприятия всегда были в большом долгу за предоставленные кредиты, как друг перед другом, так и перед банками и капиталистами, и быстрое изъятие этого кредита при первых признаках кризиса, как правило, было его ускоряющей причиной.

"Несчастье ваших современников заключалось в том, что им приходилось скреплять структуру своего бизнеса материалом, который в любой момент в результате несчастного случая мог превратиться во взрывчатое вещество. Они были в положении человека, строящего дом с помощью динамита вместо раствора, ибо кредит не может сравниться ни с чем другим.

"Если бы вы увидели, насколько ненужными были эти потрясения бизнеса, о которых я говорил, и насколько полностью они были результатом передачи промышленности частному и неорганизованному управлению, просто подумайте о работе нашей системы. Перепроизводство на специальных линиях, которое было великим увлечением вашего времени, теперь невозможно, поскольку благодаря связи между распределением и производством предложение ориентировано на спрос, как двигатель на регулятор, который регулирует его скорость.

Даже предположим из-за ошибки суждения чрезмерное производство какого-либо товара. Последующее замедление или прекращение производства в этой области никого не лишает работы. Отстраненные от работы работники сразу же находят работу в каком-нибудь другом отделе огромной мастерской и теряют только время, потраченное на смену, в то время как, что касается перенасыщения, бизнес страны достаточно велик, чтобы производить любое количество продукции, превышающее спрос, пока спрос не восстановится.

В таком случае перепроизводства, как я предполагал, у нас, в отличие от вас, нет какого-либо сложного механизма, который мог бы выйти из строя и в тысячу раз увеличить первоначальную ошибку. Конечно, не имея даже денег, мы еще меньше имеем кредита. Все оценки касаются непосредственно реальных вещей, муки, железа, дерева, шерсти и рабочей силы, из которых деньги и кредит были для вас вещами вводящими в заблуждение представителями.

В наших расчетах стоимости не может быть ошибок. Из годового продукта берется количество, необходимое для поддержки народа, и обеспечивается необходимый труд для производства потребления на следующий год. Остаток материала и рабочей силы представляет собой то, что можно безопасно потратить на улучшения. Если урожай плохой, излишек в этом году меньше обычного, вот и все. За исключением незначительных случайных последствий таких естественных причин, в производстве нет колебаний; материальное процветание нации

непрерывно передается из поколения в поколение, подобно постоянно расширяющейся и углубляющейся реке.

"Ваших деловых кризисов, мистер Уэст, - продолжал доктор, - как и любого из великих расточительств, о которых я упоминал ранее, было достаточно, чтобы вы навсегда остались с носом у точильного камня; но я должен еще поговорить об одной великой причине вашей бедности, и это была праздность у большей части вашего капитала и рабочей силы. У нас задачей администрации является поддержание постоянной занятости каждой унции доступного капитала и рабочей силы в стране.

В ваше время не было общего контроля ни над капиталом, ни над рабочей силой, и большая часть и тех, и других не смогла найти работу. "Капитал, - говаривали вы, - от природы робок", и он, безусловно, был бы безрассудным, если бы не был робким в эпоху, когда существовала большая вероятность того, что любое конкретное деловое предприятие закончится неудачей. Не было такого времени, когда, если бы безопасность могла быть гарантирована, объем капитала, направленного на производительную промышленность, не мог бы быть значительно увеличен.

Доля занятых таким образом подвергалась постоянным чрезвычайным колебаниям в зависимости от большей или меньшей неуверенности в стабильности промышленной ситуации, так что объем производства в национальных отраслях промышленности сильно варьировался в разные годы. Но по той же причине, по которой объем капитала, задействованного в периоды особой нестабильности, был намного меньше, чем во времена несколько большей безопасности, очень большая часть капитала вообще никогда не использовалась, потому что риск бизнеса всегда был очень велик чем в лучшие времена.

"Следует также отметить, что большое количество капитала, всегда ищущего работу, где можно было бы обеспечить сносную безопасность, ужасно озлобило конкуренцию между капиталистами, когда представлялось многообещающий проект. Праздность капитала, результат его робости, конечно, означала в соответствующей степени праздность труда. Более того, каждое изменение в организации бизнеса, каждое малейшее изменение в состоянии торговли или мануфактур, не говоря уже о бесчисленных деловых неудачах, которые происходили ежегодно, даже в лучшие времена, постоянно оставляли множество людей без работы на недели, месяцы или даже годы.

Огромное число этих лиц, ищущих работу, постоянно разъезжали по стране, со временем становясь профессиональными бродягами, а затем преступниками. "Дайте нам работу!" - таков был клич армии безработных почти в любое время года, а в периоды застоя в бизнесе эта армия разрасталась до такого огромного и отчаявшегося воинства, что угрожала стабильности правительства. Может ли быть более убедительная демонстрация идиотизма системы частного предпринимательства как метода обогащения нации, чем тот факт, что в эпоху такой всеобщей нищеты и нужды во всем капиталистам приходилось душить друг друга, чтобы найти безопасный шанс вложить свой капитал, а рабочие бунтовали и сгорели из-за того, что не смогли найти работу?

"Теперь, мистер Уэст, - продолжил доктор Лите, - я хочу, чтобы вы имели в виду, что эти пункты, о которых я говорил, указывают только отрицательно на преимущества национальной организации промышленности, демонстрируя определенные фатальные дефекты и поразительную глупость систем частного предпринимательства, которых нет в национальном производстве. Вы должны признать, что только это вполне объясняет, почему нация намного богаче, чем в ваше время. Но о большей половине нашего преимущества перед вами, о его положительной стороне, я пока почти не говорил.

Предположим, что система частного предпринимательства в промышленности была бы без каких-либо серьезных расточительств, о которых я упоминал; что не было бы потерь из-за неправильно направленных усилий, возникающих из-за ошибок в отношении спроса и неспособности составить общее представление о промышленной сфере. Предположим также, что не было нейтрализации и дублирования усилий со стороны конкурентов.

Предположим также, что не было потерь из-за деловой паники и кризисов, вызванных банкротством и длительными перерывами в работе промышленности, а также из-за безделья капитала и рабочей силы. Предположим, что все эти пороки, которые необходимы для ведения промышленности частным капиталом, можно было бы чудесным образом предотвратить, а систему все же сохранить; даже тогда превосходство результатов, достигнутых современной промышленной системой национального контроля, оставалось бы подавляющим.

"Раньше у вас было несколько довольно крупных предприятий по производству текстиля, даже в ваше время, хотя и несопоставимых с нашими. Без сомнения, вы в свое время посещали эти огромные фабрики, занимающие акры земли, использующие тысячи рабочих рук и объединяющие под одной крышей, под одним контролем, сотни различных процессов, скажем, от тюков хлопка до тюков глянцевого ситца. Вы восхищались огромной экономией труда как механической силы, возникающей в результате идеального взаимодействия с остальными частями каждого колеса и каждой руки. Без сомнения, вы размышляли о том, насколько меньших результатов добилась бы та же самая сила рабочих, занятых на этой фабрике, если бы они были разбросаны, каждый человек работал независимо.

Не сочтете ли вы преувеличением сказать, что максимальный продукт этих работников, работающих таким образом порознь, какими бы дружественными ни были их отношения, был увеличен не просто на процент, а во много раз, когда их усилия были организованы под единым контролем? Ну что ж, мистер Уэст, организация промышленности страны под единым контролем, так что все ее процессы взаимосвязаны, увеличил общий продукт сверх того, что могло быть сделано при прежней системе, даже не принимая во внимание упомянутые четыре большие потери, в той же пропорции, что и продукт этих фабричных рабочих. был увеличен за счет сотрудничества.

Эффективность рабочей силы нации под многоголовым руководством частного капитала, даже если лидеры не были взаимными врагами, по сравнению с тем, чего она достигает под руководством одного руководителя, можно сравнить с военной эффективностью толпы или орды варваров с тысячей мелких начальников по сравнению с дисциплинированной армией под командованием одного генерала — такой боевой машиной, например, как немецкая армия во времена фон Мольтке".

"После того, что вы мне рассказали, - сказал я, - меня удивляет не столько то, что нация сейчас богаче, чем тогда, сколько то, что не все вы крестоносцы*". (Croesus в оригинале, самое близкое что нашел)

"Что ж, - ответил доктор Лите, - мы довольно состоятельны. Мы, живем, настолько роскошны, насколько мы могли бы пожелать. Стремление к показухе, которое в ваше время приводило к экстравагантности, никоим образом не способствующей комфорту, конечно, не находит места в обществе людей, абсолютно равных по ресурсам, и наши амбиции ограничиваются окружением, способствующим получению удовольствия от жизни.

Действительно, у нас могли бы быть гораздо большие доходы по отдельности, если бы мы решили использовать излишки нашего продукта, но мы предпочитаем тратить их на общественные работы и удовольствия, в которых участвуют все, на общественные залы и

здания, художественные галереи, мосты, скульптуры, транспортные средства и удобства наших городов, великолепных музыкальных и театральных выставках, а также в обеспечении в широком масштабе досуга людей. Вы еще не начали понимать, как мы живем, мистер Уэст. Дома у нас есть комфорт, но великолепие нашей жизни с социальной точки зрения - это то, чем мы делимся с нашими собратьями. Когда вы узнаете об этом больше, вы увидите, куда уходят деньги, как вы обычно говорили, и я думаю, вы согласитесь, что мы поступаем правильно, тратя их таким образом".

"Я полагаю, - заметил доктор Лите, когда мы возвращались домой из столовой, - что никакое размышление не задело бы людей вашего века, поклоняющегося богатству, сильнее, чем предположение, что они не знали, как делать деньги. Тем не менее, это всего лишь приговор, который вынесла им история. Их система неорганизованных и антагонистичных отраслей промышленности была столь же абсурдной экономически, сколь и отвратительной морально. Эгоизм был их единственной наукой, а в промышленном производстве эгоизм - это самоубийство.

Конкуренция, которая является инстинктом эгоизма, - это другое слово, обозначающее растрату энергии, в то время как комбинация является секретом эффективного производства; и только после того, как идея увеличения индивидуального запаса уступит место идее увеличения общего запаса, промышленная комбинация может быть реализована и приобретение богатства действительно начнется. Даже если бы принцип "делиться и распределять одинаково для всех людей" не был единственной гуманной и рациональной основой общества, мы все равно должны применять его как экономически целесообразный, видя, что до тех пор, пока не будет подавлено разрушающее влияние своекорыстия, никакое истинное объединение усилий невозможно".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2783615>